

Вет. Москва, 1985, 26 сев.

История советской литературы насчитывает немало писателей, произведения которых созданы в жанре исторического романа. В разговоре об особенностях этого жанра мне хотелось бы остановиться на примере лишь одного из них — того, кого мне довелось, пожалуй, больше всех знать. Я не буду рассказывать о том, как создаются исторические романы вообще. Я расскажу, как создавал их Юрий Тынянов. И вы ощутите, какой это титанический и прекрасный, вдохновенный труд.

...Он был мягкий, уступчивый, подчас нерешительный человек. Но могучая воля исследователя, сурово и не-

возникла, главным образом, из недовольства историей литературы, которая скользила по общим местам и неясно представляла людей, течения, развитие русской литературы. Я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не «выдумкой», а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них.

Какие замечательные слова! Лучше особенности жанра исторического романа не определишь!

В романе «Кюхля» Тынянов впервые подошел к историческому документу как художник. Самое совершенное знание материала, как известно, не создает

жущийся. Это был человек, который умел из наблюдений, подчас ничтожных, делать неожиданные, далекие выводы. Тифлис в «Смерти Вазир-Мухтара» написан по историческим материалам, но, когда Тынянов приехал в Тифлис в 1928 году, перед его глазами открылся тот город, который он выстроил в своем воображении.

Как известно, Кювье восстанавливал скелет доисторического животного по одной его кости. Так для Тынянова достаточно было одной подробности, чтобы восстановить весь строй — исторический, этнографический, лексический, к которому она, эта подробность, относилась.

Вечерние беседы: встречи с прекрасным

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Сегодняшнюю вечернюю беседу ведет
писатель **Вениамин КАВЕРИН**

преклонно стремящегося к цели, не оставляющего в стороне ни одного самого ничтожного факта, если он может служить делу, видна в его рукописях, написанных твердым, поражающим своей определенностью почерком. Для того чтобы написать две или три строки романа, он проделывал беспримерную работу.

Речь идет о писателе и ученом, авторе романов «Кюхля» (о Кюхельбекере), «Смерть Вазир-Мухтара» (о Грибоедове), «Пушкин», рассказа «Подпоручик Киж» и других произведений, получивших мировую известность.

С интуицией художника Тынянов умел читать тексты, нащупывая в них внутреннюю, затаенную жизнь. Страницы, по которым равнодушно скользили глаза многих, открывались перед ним в новом, глубоком значении, становились вдруг ясными, живыми.

Художник всегда был очень силен в исследовательских работах Тынянова, но романы его были бы невозможны без того глубокого разреза истории, который он производил умным ножом исследователя. Он не стал бы романистом, если бы не был знатком истории литературы.

Он окончил Петроградский университет, был оставлен при кафедре русской литературы, что в те времена равнялось аспирантуре. Именно тогда и произошла изменившая многое в его судьбе встреча с Корнеем Чуковским. В своих воспоминаниях Чуковский рассказывал о том, как был задуман и написан «Кюхля», и я не стану повторять этой известной истории.

Вот что Тынянов писал об этом: «В 1925 году написал роман о Кюхельбекере. Переход от науки к литературе был вовсе не так прост... Моя беллетристика

еще художественного произведения. В «Кюхле» был создан характер. Писатель и революционер, «пропавший без вести, уничтоженный, осмеянный понаслышке», ожил перед нами во всей правде чувств, со всей трогательной чистотой своих надежд и стремлений.

Широко известна мысль В. И. Ленина о трех поколениях, действовавших в русской революции. Под рукой Тынянова она нашла художественное воплощение. В этом смысле роман «Смерть Вазир-Мухтара» дополняет и объясняет социальную картину декабрьского движения, нарисованную в «Кюхле».

В «Смерти Вазир-Мухтара» перед нами друг декабристов, отравленный горечью их неудач. Перед нами не хрестоматийный классик, заслуживший вечную благодарность потомства, но автор запрещенной комедии, не увидевшей при жизни автора ни печати, ни сцены.

О «Горе от ума» в романе говорится мало, и вместе с тем весь роман — это как бы огромный, психологический комментарий к гениальной комедии. Все ясно — и причина, по которой она, в сущности, осталась единственным произведением Грибоедова, и тот кажущийся парадоксальным факт, что автор этой комедии, распротранявшейся декабристами в целях политической пропаганды, стал полномочным царским министром — «Вазир-Мухтаром».

Подчас мне казалось странным: откуда взялось такое постижение человеческой души во всех ее малейших изгибах у человека, жившего, в сущности говоря, комнатной жизнью? Болезнь рано ограничила возможности его поездок.

Но контраст между малым жизненным опытом и психологической глубиной его книг только видимый, ка-

меня поражило то богатство ассоциаций, то сопоставление явлений, идей, которое было характерным для его таланта и которое помогало ему, не выходя из кабинета, широко и смело рисовать картины жизни петровского времени, двадцатых и тридцатых годов прошлого века.

Однако не следует думать, что Тынянов был погружен в исторические изучения и лишь там находил источники своего вдохновения. Сила его как раз и заключалась в том, что это был человек глубоко современный. Нет никакого сомнения в том, что произведения его не могли быть созданы в другое время. Исторические судьбы страны волновали его всю жизнь, и это волнение пронизывает его книги, написанные о далеких временах и тем не менее глубоко современные.

Позволю себе подробнее остановиться на последнем романе «Пушкин». К нему Тынянов приступал издавлека, настороженно, неторопливо. Но не огромность задачи смущала его. Он в полной мере сознавал всю ответственность, ложившуюся на плечи писателя, который осмеливается создать роман, охватывающий жизнь Пушкина.

В интервью, которое я цитировал выше, очень точно определена задача писателя: «Свой роман я задумал не как «романтизированную биографию», а как эпос о рождении, развитии, гибели национального поэта. Я не отделяю в романе жизни героя от его творчества и не отделяю его творчества от истории его страны».

В первых вариантах роман начинался с Абиссинии, с предков Пушкина, с петровского арапчика. Тынянову показалось, что эти главы не удались, и работа была отложена надолго. Он вернулся к своему замыслу лишь

через год, решив идти вслед за пушкинским планом автобиографии, который публикуется обычно под названием «Программы записок». Эта «Программа» вся помещается на одном листочке и представляет собой настолько краткий перечень событий жизни Пушкина, что некоторые параграфы оставались для исследователей загадкой. «Программа» доведена лишь до 1815 года.

Нужно было любить и понимать Пушкина, как любил и понимал его Тынянов, чтобы расшифровать эти загадки, эти начатые и брошенные фразы, эти фамилии, которые можно прочесть так или иначе. «Мои неприятные воспоминания», — пишет Пушкин. Какие воспоминания? О чем? «Нестерпимое состояние», — пишет он. Чем оно вызвано? Как его объяснить? Тынянов заново прочел этот маленький текст и положил его в основу первой части своего романа.

Случалось, что самое глубокое знание материала все-таки не давало Тынянову возможности нарисовать историческую картину со всей полнотой. Представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано: бывают годы без документов. И потом сам человек — сколько он скрывает, как иногда похожи его письма на торопливые отписки! Важные вещи проявляются иногда в мимолетных и не очень внушительных формах. Так, опираясь на ничтожные данные, на то, что можно назвать лишь тенью поступка, мысли, чувства, он угадывал главное и строил на нем свое повествование.

Такой «тенью» была любовь Пушкина к «неизвестной», любовь «необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь, им самим не названная» (Ю. Тынянов). Многие исследователи пытались угадать имя женщины, которую тайно и безнадежно любил Пушкин. Назывались имена Голицыной, Раевской. Прочтя по-своему лицейские элегии, сопоставив рассказы, записанные Бартеиевым, изучив отношения Пушкина и Карамзина, Тынянов пришел к выводу, что этой любовью Пушкина была Екатерина Андреевна Карамзина. Он высказал гипотезу, что к ней относится посвящение «Полтавы», что создание «Бахчисарайского фонтана» связано с воспоминанием о Карамзиной, с ее рассказом.

Он объяснил их последнее свидание, когда за час до смерти Пушкин позвал Карамзину, когда, прощаясь, она перекрестила его издалека, а он сказал: «Подойдите ближе и перекрестите хорошенько». И лишь окончательно убедившись в своей правоте, Тынянов стал писать о любви, прошедшей через всю жизнь Пушкина, от лица до смерти.

Пораженный догадкой Тынянова, Сергей Эйзенштейн решил поставить фильм, посвященный Пушкину и его «безыменной» любви. Он написал письмо Тынянову, но не успел отправить: на нем приписка от 4 января 1944 года: «Узнал, что Тынянов умер».

...Исторический роман, историческая проза. Сила ее в том, что она нужна своему времени, связана с ним и является его отражением. Почему в годы Великой Отечественной войны вся страна кинулась читать «Войну и мир»? Потому что в этой книге написано не только о том, как мы победили, но кто мы и почему мы снова должны победить.

Так, читая сегодня романы Тынянова, мы видим себя со всеми нашими радостями и печалью, надеждами и размахом. Да, Юрий Тынянов любил русскую литературу. Но любовь его к русской литературе была любовью к Родине — этой мыслью было проникнуто все, что говорилось в его произведениях.

Фото ТАСС.